

И З СЕРМАН

ГДЕ И КОГДА СОЗДАВАЛИСЬ
«ПИСЬМА РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА»
Н. М. КАРАМЗИНА?

История текста «Писем русского путешественника», вернее история их публикации, изложена очень точно Ириной Паперно (под вынужденным псевдонимом Н. Марченко) в известном издании «Писем» под редакцией Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского¹

Ирина Паперно не касалась процесса создания текста, поскольку, как известно, никаких авторских рукописей, предваряющих печатный текст, не сохранилось

В 1984 г., повторяя почти столетней давности «сожаления» В. В. Сиповского,² Ю. М. Лотман писал, что «кроме самих „Писем русского путешественника“, у нас нет об этом периоде никаких других сведений» (534).

Положение стало меняться в 1990-е гг. Сначала появилась статья Светланы Геллерман,³ покончившая раз и навсегда с увлекательной гипотезой Ю. М. Лотмана о предварительной и тайной поездке Карамзина в Париж и последующем его возвращении в Швейцарию. Подробнее на этом остановимся ниже.

Недавно в нашем распоряжении появился дневник Вильгельма фон Вольцогена,⁴ того самого Вольцогена, о дружбе с которым

¹ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / Изд. подг. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко (И. Паперно), Б. А. Успенский. Л., 1984. Далее сноски на это издание в тексте.

² См. Сиповский В. В. Н. М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899. С. 158.

³ Gellerman S. (Genève) Karamzine à Genève. Notes sur quelques documents d'archives concernant les «Lettres d'un voyageur russe» — *Facten und Fabeln Schweizerisch-slavisches Reisebegegnung vom 18 bis zum 20 Jahrhundert*. Herausgegeben von Monika Bankowski, Peter Brang, Caksten Goehrke, Robin Kemba-le. Basel und Frankfurt am Main, 1991. P. 73—90.

⁴ *Wolzogen Wilhelm von Journal de voyage à Paris (1788—1791)*. Traduit de l'allemand par Michel Tremours. Presse universitaires du septentrion. 1998. В. не-

очень убедительно свидетельствуют письма Карамзина 1801—1808 гг.⁵ И особенно его прощальное письмо, когда он написал в Париже, по дороге в Лондон

«Прости, любезный Париж! Прости, любезный В*! Мы родились с тобою не в одной земле, но с одинаким сердцем, увиделись и три месяца не расставались. Сколько приятных вечеров провел я в твоей Сен-Жерменской *Отели*, читая привлекательные мечты единоплеменника и соученика твоего, Шиллера, или занимаясь собственными нашими мечтами, или философствуя о свете, или судя новую комедию, нами вместе виденную! Не забуду наших приятных обедов за городом, наших ночных прогулок, наших рыцарских приключений и всегда буду хранить нежное, дружеское письмо твое, которое тихонько написал ты в моей комнате за час до нашей разлуки. Я любил всех моих земляков в Париже, но единственно с тобою и с Б* мне грустно было расставаться. К утешению своему, думаю, что мы в твоём или моём отечестве можем ещё увидеться, в другом состоянии души, может быть, и с другим образом мыслей, но равно знакомы и дружны!

А вы, отечественные друзья мои, не назовете меня неверным за то, что я в чужой земле нашел человека, с которым сердце мое было как дома. Это знакомство считаю благодеянием судьбы в странническом сиротстве моем. Как ни приятно, как ни весело всякий день видеть прекрасное, слышать умное и любопытное, но людям некоторого рода надобны подобные им люди, или сердцу их будет грустно» (321—322)

Позднее Карамзин поместил в «Письмах» следующее примечание

«Через десять лет нашей разлуки, не имея во все это время никакого об нем известия, вдруг получаю от него письмо из Петербурга, куда он прислан с важною комиссиею от двора своего, — письмо дружеское и любезное. Мне приятно напечатать здесь некоторые его строки: „Je vous supplie, mon cher ami, de me répondre le plutôt possible, pour que je sache que vous vous portez bien et que je peux toujours me compter parmi vos amis. Vous n’avez pas d’idée, combien le souvenir de notre séjour de Paris a de charmes pour moi. Tout a changé depuis, mais l’amitié, que je vous ai vouée alors, est toujours la même. Je me flatte aussi, que vous ne m’avez pas entièrement oublié. J’aime à croire que nous nous entendons toujours à demi mot”, и проч. (Умоляю Вас, дорогой друг, ответить мне как можно скорее, чтобы я знал, что Вы чувствуете себя хорошо и что я все еще

мецком оригинале у этого дневника такое название «Dieses ist der Mittelpunkt der Welt»

⁵ « О Шиллере, о славе, о любви» (Вильгельм фон Вольцоген и Н. М. Карамзин) / Публикация Е. Е. Пастернак и Е. Э. Ляминой М., СПб., 1993 С. 176—205

могу считать себя в числе Ваших друзей Вы не представляете себе, как приятно мне вспоминать о нашем пребывании в Париже Все с тех пор изменилось, но те дружеские чувства, которые я питал к Вам, остались прежними Лицу себя также надеждой, что Вы не совсем забыли меня Мне хочется верить, что мы всегда понимаем друг друга с полуслова) * Он женился на молодой, любезной женщине, которая известна в Германии по уму и талантам своим Она написала роман, который долго считался творением славного Гете, потому что скромная муза не хотела именовать себя» (322)

Этих свидетельств с обеих сторон достаточно, чтобы судить о прочности этой дружбы, которой не помешали даже столь сложные политико-военные обстоятельства начала XIX в

Итак, сначала обратимся к статье Светланы Геллерман и к тем «новым свидетельствам»,⁶ которые должны проверить, насколько «реальное путешествие» Карамзина соотносится с его литературным воплощением

По предварительному справедливому замечанию исследовательницы «Женевское пребывание Карамзина интересно и по своей продолжительности (более пяти месяцев), и по информации, которой мы располагаем об этом сюжете»⁷ Точнее было бы сказать, что располагаем именно той информацией, которую сумела обнаружить Светлана Геллерман после настойчивых поисков в различных источниках

Вывод, к которому она пришла, таков центральной фигурой женевского пребывания Карамзина был Шарль Бонне Частично это было известно и ранее, но только благодаря ее исследованию эти отношения получили документальную основу Из недатированного письма Карамзина, во всяком случае написанного в начале декабря 1789 г, видно, что попасть к Бонне было, по-видимому, непросто «Вы, может быть, удивляетесь, друзья мои, что я по сие время ничего не говорил вам о великом Боннете, который живет в верстах в четырех от Женевы, в деревне Жанту Мне сказали, что он весьма нездоров, глух и слеп, и никого, кроме ближних родственников, не принимает, почему я не имел надежды видеть сего славного философа и натуралиста Но третьего дни г Кела, свойственник его, вызвался сам ехать к нему со мною, уверив меня, что посещение мое не будет ему в тягость» (167)

Тут Геллерман, справедливо посетовав, что Кела не фигурирует ни в каких комментариях, поясняет, что Гильом Кела (Cailla) (1746—1794) был видным деятелем в истории Женевы, с 1775 г

* Пер с фр И З Сермана

⁶ *Gellerman S Karamzine a Genève* P 74

⁷ *Ibid* P 75

он был членом Совета двухсот и два раза избирался в синдики 25 июня 1794 г он был расстрелян революционерами Его жена происходила из того же семейства де ля Рив, к которому принадлежала жена Бонне Вот почему Карамзин причислил Кела к родственникам Бонне ⁸

Первый визит Карамзина к Бонне был неудачен Он сообщает в «Письмах» «Мы приехали к нему поутру, но не застали его дома он прогуливался Г Кела велел ему сказать, что один русский путешественник желает быть у него — и на другой день Боннет прислал звать меня» (167—168)

В архиве Бонне Геллерман обнаружила копию письма его к Кела, датированное 1 января 1790 г «Я Вас уверяю, мой дорогой родственник, что мы, моя жена и я, были очень огорчены тем, что не были во время вашего приятного посещения < > Если он (Карамзин — И С) будет еще несколько дней в нашем городе, то я мог бы принять его в понедельник или во вторник, то есть 4 или 5 января» ⁹

В этом же письме Бонне радуется, что «Созерцание природы» будет переводиться на пятый или шестой язык

Визит этот состоялся, письмо о нем не датировано, но то, что в нем сообщает Карамзин в «Письмах», подтверждается письмами Бонне В письме к Сюзанне Бонне, своей сестре, от 4 января Бонне сообщал «В этот момент русский дворянин уходит из моей комнаты он очень хотел меня видеть, поскольку он переводит на русский язык „Созерцание природы“ с последнего издания < > Я очень им доволен и, как кажется, он — мной Он мне сказал, что его язык, еще мало обработанный, не позволяет извлечь все богатства, которыми он обладает» ¹⁰ Как отмечает С Геллерман, в этом письме содержится указание, что Карамзин намерен пробыть в Женеве до конца февраля

Далее Геллерман обнаружила в рукописном отделении библиотеки Женевского университета оригинал письма Карамзина к Бонне от 21 января 1790 г, опубликованного путешественником в «Письмах», где Карамзин внес любопытную поправку в текст этого письма В оригинале, там, где в «Письмах» напечатано «J'ai un ami (Mr N N à Moscou)», стояло «(Mr Plecheév à Moscou)», т е был указан возможный сотрудник в задуманном переводе ¹¹

Далее Светлана Геллерман получила редкую возможность прокомментировать визит Карамзина к Бонне 25 января по двум письмам Бонне, написанным в тот же день до и после визита Как

⁸ Ibid P 75—76

⁹ Ibid P 76

¹⁰ Ibid P 78

¹¹ Очевидно, речь шла об А А Плещееве

указывает Геллерман, Карамзин в «Письмах» не опускает ни одной детали. Бонне сообщает во втором письме от 26 января в 17 часов 30 минут: «Мы сегодня имели к обеду одного почтенного русского, переводчика „Созерцания“. Он пишет на нашем языке как француз, который его разрабатывал. Он пришел утром пешком, и мы, моя жена и я, отвезли его в карете до Сешерона»,¹² — т. е. до предместья Женевы.

О следующем посещении Карамзиным Бонне рассказано в недатированном письме, о его дате можно только судить по неточному замечанию Карамзина, что «недавно были выборы синдиков», — и как указывает Геллерман, эти выборы состоялись 11 января.¹³ Из более позднего письма Бонне от 30 марта 1790 г. графине Луизе Штольберг мы узнаем о том, что Баггесен «был у нас за столом вместе с русским дворянином, который переводит («Созерцание природы». — И. С.) на свой язык, и вы можете вообразить наслаждение, какое эта счастливая встреча дала автору».¹⁴

Карамзин в «Письмах» так описывает этот визит к Бонне: «Датчане Мольтке, Багзен и Беккер и я были ныне поутру в Фернее, — осмотрели все, поговорили о Вольтере и поехали обедать в Жанту к созерцателю природы, который принял нас с обыкновенною своею приветливостию. (...) Каждого из нас по очереди сажал Боннет подле себя и со всяким находил особливую материю для разговора. (...) Со мною о русской литературе. (...) Потом разговор сделался общим: Галлер был предметом его» (183—184).

Такая точность в деталях не мешала Карамзину иногда вносить существенные поправки в реальную обстановку. Карамзин далее рассказывает, что во время этой тройственной встречи Баггесен по просьбе Бонне читал вслух письмо Галлера к Бонне. Как пишет Карамзин, письмо Галлера, написанное «за несколько дней перед его смертью, всех нас заставило плакать. Некоторые строки остались в моей памяти; вот оне» (184). И далее следует довольно значительный по объему текст письма Галлера, но не тот, который читался, а совершенно другой текст, который мог действительно вызвать слезы у его слушателей.

«С каким жаром великий Боннет превозносил достоинства великого Галлера! Тридцать лет любили они друг друга. Слезы несколько раз показывались в глазах нашего почтенного старца. Он сыскал письма покойного друга своего и отдал Багзену читать их; последнее, писанное Галлером за несколько дней перед его смертью, всех нас заставило плакать. Некоторые строки остались в моей памяти; вот оне: „Скоро, любезный и почтенный друг мой!

¹² Ibid. P. 81.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid. P. 83.

скоро не будет меня в сем мире. Обращаю глаза на прошедшую жизнь мою, и, полагаясь на благодать Провидения, спокойно ожидаю смерти. В сию минуту более, нежели когда-нибудь, благодарю Бога за то, что я воспитан был в Христианской Религии и что спасительные истины ея всегда жили в моем сердце. Благодарю Его и за вашу драгоценную дружбу, которая служила мне утешением в жизни и питала в душе моей любовь к мудрости и добродетели... Простите, дражайший друг мой! Живите еще многие лета и просвещайте человечество; живите и распространяйте царство добродетели!.. Простите! В сию минуту душа моя к вам стремится: — я хотел бы обнять вас в последний раз; хотел бы в последний раз слышать из уст ваших сладостное наименование друга; хотел бы словесно изъявить вам всю признательность, всю чувствительность моего сердца... Я оставляю детей: будьте им вторым отцом, наставником, покровителем, другом!.. Простите! Где и как мы увидимся, не знаю; но знаю то, что Бог премудр, благ и всемогущ: мы бессмертны! дружба наша бессмертна!.. Скоро зашумит и подыметя передо мною непроницаемая завеса — слава Всевышнему!.. Простите в последний раз — рука моя слабеет — в последний раз называюсь здесь вашим верным, нежным, признательным, благодарным, умирающим, но вечным другом!” С такими чувствами, любезные друзья мои, кончил жизнь свою сей великий муж — и да будет конец наш подобен его концу!» (184).

Светлана Геллерман установила, что Карамзин, несмотря на его заявление, что «некоторые строки остались в моей памяти», включил в текст «Писем» не последнее письмо Галлера от 5 декабря 1777 г., а другое — от 20 ноября 1777 г. и с несколько измененным текстом. Как поясняет Геллерман, Карамзин выбрал из писем Галлера «патетическое и редкое по манифестированию его религиозного оптимизма».¹⁵

Верность деталям обстановки, в которой читалось письмо Галлера, действительно последнее, не помешала Карамзину подменить его другим письмом, более подходящим к общему нравственному строю «Писем». Так литературная установка возобладала над фактическими обстоятельствами.

Подобный прием Карамзин применил позже, когда в салоне госпожи Гло он слушал ее «Мысли о любви» и не только запомнил текст, но и изложил его по-русски! (288).

Такая обработка подлинного или сочиненного материала была нужна Карамзину по литературно-техническим соображениям. Когда это было возможно, Карамзин использовал доступные ему факты в подробной литературной аранжировке.

¹⁵ Ibid.

Еще одно доказательство верности в определенных пределах Карамзина реальным фактам приводит Геллерман в связи с подробным рассказом Карамзина о жизни и самоубийстве аббата Н*. Этот эпизод казался безусловно литературным, однако Геллерман нашла неопровержимые документальные доказательства вероятности сообщения Карамзина о гибели аббата Н*.

Действительно, «Carre, abbé de la Résidence de France», вернее его тело, было найдено 16 февраля, а информация о нем появилась в печати только 27 февраля. Следовательно, датируя свой пространственный рассказ, занимающий все письмо от 2 февраля 1790 г., о жизни и судьбе аббата Н*, Карамзин сознательно менял реальную хронологию этого события по каким-то нам неизвестным причинам.

Далее Геллерман приводит дополнительные данные, опровергающие предположение Ю. М. Лотмана о встрече в Париже Карамзина с Кутузовым 9 августа 1789 г. В этот день он посетил Эрмитаж, сад одного из богатей, в обществе двух берлинцев — подписи всех трех, «Николая Карамзина из Москвы, С. Т. Матиса из Берлина и Фердинанда Трониеля, библиотекаря из Берлина» — находятся в книге посетителей Эрмитажа.¹⁶ Как объясняет Карамзин в «Письмах»: «В семи верстах от Базеля находится так называемая *пустыня*, или обширный сад, принадлежащий одному из здешних богатей. Туда ходил я пешком с двумя молодыми берлинцами, здесь живущими» (101).

Геллерман приводит еще одно сообщение, подтверждающее пребывание Карамзина в августе в Швейцарии, а не в Париже, — заметку Лафатера в его дневнике от 20 августа 1789 г.: «Карамзин — москвич, двое датчан — граф Мольтке и Баггезен, любители правды, принесли мне большое удовольствие своим визитом...»¹⁷

Как сообщила мне Светлана Геллерман в устном разговоре, она познакомилась со своей статьей Ю. М. Лотмана, который в 1989 г. находился в Мюнхене. Признавая всю весомость ее доказательств, Юрий Михайлович все-таки задался вслух вопросом: «А что так долго делал Карамзин в Швейцарии?» Ответ можно, предположительно конечно, найти именно в этой продолжительности пребывания Карамзина в Швейцарии.

Как очевидно из содержания и объема «Писем русского путешественника», они были задуманы как основной текст для будущего журнала, — если предположить, что он был задуман еще перед поездкой в Европу.

В Швейцарии Карамзин пробыл от начала августа 1789 до середины марта 1790 г., т. е. более полугода. Учитывая небольшие

¹⁶ Ibid. P. 85.

¹⁷ Ibid.

расстояния в этой стране и значительное количество свободного времени, которое у него оставалось, можно предположить, что какая-то часть немецких и швейцарских впечатлений могла быть записана, может быть, не в окончательном, готовом, виде. Именно в Швейцарии мог Карамзин уделить достаточно внимания созданию необходимой ему иллюзии подлинности эпистолярной природы своих писем.

Отсюда старательное распределение материала по датам. Оно, кроме всего, способствовало созданию у читателей необходимой автору иллюзии подлинных писем.

Еще одна особенность этой, условно половины, писем — это иллюзия действительного писания по свежим впечатлениям, почти на ходу. То он пишет 1 июня 1789 г.: «Еще не успел я окончить письма к вам (...) надобно было дописать письмо» (10), то объясняет 3/14 июня: «Завтра (...) отправлю к вам это письмо» (13); то сообщает (17 июня 1789 г.), что «решил написать к вам несколько строк» и отмечает, что делается это в 11 часов ночи! Иногда (19 июня) удивляется своему многописанию, «уже с лишком две страницы (...) чего не напишешь в минуты бессонницы» (19). Иногда обстановка облегчает переписку: «Теперь мы в Мариенбурге, где я имел время написать к вам столько страниц» (26).

Постепенно указания на обстоятельства писания исчезают, но, что очень важно отметить, все немецкие и швейцарские письма датированы, а письма без даты помещены так, что их датировка проясняется из предшествующих или последующих писем.

Таким образом, наше предположение о том, что значительная часть «Писем» была написана еще до возвращения в Россию, подтверждается тем обстоятельством, что помещая в каждой части журнала (кроме февральского и октябрьского за 1792 г.) значительные куски «Писем», Карамзин не мог бы физически справиться с поставкой материалов для журнала, если бы у него не были в запасе разной степени готовности «Письма». На них журнал опирался, «Письма» составляли как бы фундамент, на котором Карамзин мог строить журнал из привлекаемого дополнительно материала, преимущественно собственного и только отчасти доставляемого другими сотрудниками.

Обратимся теперь к дневнику Вольцогена: он дает возможность внести некоторую дополнительную ясность в творческую историю «Писем русского путешественника», с одной стороны, с другой — этот дневник, несмотря на скупость его записей о Карамзине, дает возможность уточнить время его пребывания в Париже и получить конкретные представления о его возможных парижских впечатлениях, не получивших по тем или иным причинам полного отражения в тексте «Писем». «Дневник» Вольцогена дает очень важную дату: «28 мая. Завтракал у Мошкова. Карам-

зин сегодня отправился в Лондон. Я ему написал вчера письмо. Это добрый и чувствительный человек, который обладает обширными познаниями в искусствах».¹⁸

Не располагая дневником Вольцогена, Ю. М. Лотман справедливо сокрушался о том, что «всякая попытка составить реальную хронологию пребывания Карамзина в Париже наталкивается на трудности, связанные с запутанностью дат, вернее всего, неслучайной...» (539). Юрий Михайлович сомневался, мог ли Карамзин присутствовать на празднике Св. Духа (Saint-Esprit) 25 мая: «...в главке „Тюильри“ Карамзин утверждает, что был свидетелем праздника Ордена Св. Духа. Праздник этот в 1790 г. приходился на 25 мая н. с. («Духов день») — *время, когда Карамзин должен был находиться уже по дороге в Лондон*» (539).

Закурсивленная фраза ошибочна, ибо, согласно дневнику Вольцогена, Карамзин отправился в Лондон 28 мая — следовательно, мог присутствовать на празднике Св. Духа. Некоторые подробности этого праздника свидетельствуют также против предположения Юрия Михайловича, что Карамзин описал его с чужих слов. По предположению Ю. М. Лотмана, «Карамзин мог слышать описание церемонии от того же Мошкова, с которым он общался в Париже» (654). Некоторые подробности этого посещения говорят о том, что Карамзин видел этот праздник сам, своими глазами, а не довольствовался пересказами.

В «Письмах» так описано торжество Св. Духа: «В день Св. Духа Король вместе с Кавалерами главного французского ордена пошел в церковь; за ним Королева с Дамиами; первые в рыцарских мантиях с распущенными волосами; вторья в богатых робах. В ту самую минуту любопытные зрители бросились во внутренние комнаты — я за ними — из залы в залу и до самой спальни.

Куда вы, господа? за чем? Спрашивали придворные лакеи. *Смотреть*, отвечали мои товарищи, и шли далее. Украшения комнат составляют обои Гобелиновой фабрики, картины, статуи, гротески, бронзовые камины. Между тем глаза мои занимались не только вещами, но и людьми: Министрами и экс-Министрами, придворными и старыми Королевскими слугами, которые, видя бесчинство молодых, с величайшим небрежением одетых людей, шумящих и бегających, пожимали плечами. Я сам с каким-то горестным чувством ходил за другими. Таков ли был прежде французский Двор, славный своей блестящею пышностью?» (246—247). Сейчас, когда мы точно знаем, что Карамзин уехал из Парижа 28 мая, все эти сомнения оказываются беспочвенными.

Эта дата 28 мая позволяет понять, что все письма, помеченные «Париж, июня...», написаны во всяком случае не в Париже, а в Москве и, может быть, в какой-либо иной последовательности.

¹⁸ *Wolzogen Wilhelm von. Journal de voyage à Paris. P. 153.*

Это обстоятельство существенно для творческой истории «Писем», но нас в данном случае интересует еще и реальная хронология поездки.

В Париже Карамзин попадает в совершенно иную, чем в Швейцарии, обстановку. Ни минуты свободной для составления подробных писем у него здесь не остается, поскольку, как мы узнали из дневника Вольцогена, Карамзин приехал в Париж около 27 марта 1789 г., а уехал 28 мая, т. е. пробыл два месяца.

И тут начинаются некоторые манипуляции с указанием на срок его пребывания в Париже. В «Зрителе» он сообщает, что «проведя четыре месяца в Париже (которые ему показались очень короткими), наш путешественник пакует свои чемоданы, садится в дилижанс, и вот он уже в Кале» (455).

Этот же мнимый четырехмесячный срок Карамзин повторяет в заключительном «письме»: «Выключая мои обыкновенные меланхолические минуты, я не знал в Париже ничего, кроме удовольствий. Провести там около четырех месяцев есть, по словам одного английского доктора, выманить у скупой волшебницы, судьбы, очень богатый подарок» (322).

Предполагаю, что этот мнимый четырехмесячный срок понадобился Карамзину по литературно-техническим причинам: в печатном тексте писем двенадцать из них, «парижских», датировано условно «Париж, июня...», т. е. тем месяцем, когда Карамзин в Париже никак не мог быть!

Такая ложная датировка легко объяснима. Писались парижские, да и лондонские, «письма» уже в Москве и, конечно, не сразу, но для создания читательской иллюзии эпистолярной природы этого произведения его материалы следовало хотя бы условно распределить во временной последовательности.

Чем помогает дневник Вольцогена определить время пребывания Карамзина в Англии? Указанная Вольцогеном дата отъезда Карамзина из Парижа 28 мая 1790 г. делает вполне объяснимым его письмо от 4 июня 1790 г. из Лондона, в котором он сообщал: «Я пишу вам на скорую руку, только для того, чтобы подать вам о себе весть, будучи уверен, что вы, друзья мои, берете участие в моей судьбе. Я проехал через Германию; побродил и пожил в Швейцарии, видел знатную часть Франции, видел Париж, видел *вольных* французов и наконец приехал в Лондон. Скоро буду думать о возвращении в Россию».¹⁹

В сообщениях Ю. М. Лотмана о пребывании Карамзина в Лондоне содержится досадная ошибка. Ю. М. Лотман пишет, что Карамзин вернулся в Петербург 15 (26) июля 1790 г. «„Плавание продолжалось около двух недель“, — сообщает Погодин, черпав-

¹⁹ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 14.

ший сведения из бесед с Дмитриевым и другими осведомленными современниками. Следовательно, Карамзин покинул Лондон около 10 июля» (19). Тут Ю. М. Лотман делает странный вывод: «...получается, что пребывание его в Англии не превышало десяти дней»,²⁰ — как может получиться, что от 4 июня до начала июля прошло не более «десяти дней»? Ошибка в подсчете очевидна, т. е. в Англии Карамзин пробыл около месяца.

Одно из английских писем датировано так: «Лондон, сентября 1790». Очевидно, что такое мнимое расширение срока пребывания в Лондоне понадобилось Карамзину для более свободного размещения материала по письмам. При этом надо отметить, что из 21 письма из Лондона датировано «Лондон, июля 1790» 9, одно имеет дату «Лондон, августа 1790» и одно «Лондон, сентября 1790», остальные 10 обозначены только заголовками такого типа: «Театр», «Литература», «Семейственная жизнь», «Выбор в парламент» и т. п.

Как указывает Ю. М. Лотман, выборы в парламент состоялись 14 июня (73), следовательно, Карамзин мог их наблюдать и писал о них по личным впечатлениям, а не только по газетным отчетам, как говорится в комментариях Ю. М. Лотмана.

В каком объеме «Письма» были готовы, когда в последней части «Московского журнала» за 1792 г. Карамзин сообщал читателям, что «„Письма русского путешественника“, исправленные в слог, могут быть напечатаны в двух частях; первая закончится отъездом из Женевы, а вторая возвращением в Россию?»²¹ Тогда же он сообщал о намерении издавать альманах «Аглая».

По мнению И. Паперно, «можно предположить, что к концу 1792 г. рукопись еще не существовала в окончательном виде, и Н. М. Карамзину не совсем ясен был объем произведения» (60). Возражение серьезное, но попробуем гипотетически восстановить предполагаемый объем рукописи, имея притом в виду, что Карамзин был чрезвычайно опытен в смысле технически-издательском, ведь у него уже был серьезный и продолжительный стаж издания двух журналов — «Детского чтения» и «Московского журнала».

Если верно наше предположение о том, что пять месяцев в Швейцарии Карамзин использовал для создания немецких и швейцарских писем, то получает достоверность его «Предисловие», датированное 1793 г.: «Я хотел при новом издании многое переменить в сих Письмах, и... не переменял почти ничего. Как они были написаны, как удостоились лестного благоволения публики, пусть так и остаются» (393).

²⁰ Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина М., 1987 С 175

²¹ Московский журнал 1792 Ч. 8 С 337

Итак, можно считать, что рукопись была доведена до конца и, может быть, позднее что-то добавлялось. Если сравнить окончательный текст «Писем» с этим, предполагавшимся в 1792—1793 гг., то мы увидим почти полное совпадение в одном отношении — обе части почти равны по объему. Это значит, что та, предполагаемая, рукопись 1792 г. делилась по замыслу, а может быть и по выполнению, на две равные части.

Почему не состоялось предполагаемое издание «Писем»? Как писал Ю. М. Лотман: «1792 год был для Карамзина трудным. Последовал разгром новиковского кружка. Сам Карамзин уцелел почти чудом. „Московский журнал” пришлось прервать, видимо, неожиданно для самого издателя. „Лиодор” так и не был дописан. „Письма русского путешественника” перестали публиковаться на пороге Парижа. Однако 1793 был еще труднее».²²

Переждав некоторое время, Карамзин в «Аглае» в 1794 г. публикует некоторые отрывки из лондонских и парижских писем. Во 2-м томе «Аглаи» в 1795 г. опубликована глава «Париж, Апрель 29, 1790» в таком виде. Она начинается словами: «Нынешний день обедал я у господина Гло», и кончается отрывком «На театре графа Прованского». Применительно к полному тексту писем это занимает стр. 222—225 и стр. 231—242.

Примерно столько же занимают в «Аглае» главы, названные «Путешествие в Лондон (отрывки из второй части «Писем русского путешественника»)». По сравнению с основным текстом «Писем» эти отрывки занимают стр. 323—328 и включают письма, заканчивающиеся письмом «Дувр», так что Лондона здесь еще нет.

Отрывки, приведенные в «Аглае», чрезвычайно знаменательны. Приведу один из них, самый острый по своему содержанию:

«Вчера, в придворной церкви, видел я Короля и Королеву. Спокойствие, кротость и добродушие изображаются на лице первого, и я уверен, что никакое злое намерение не раждалось в душе его. Есть на свете щастливые характеры, которые по природному чувству не могут не любить и не делать добра: таков сей Государь! Он может быть злополучен; может погибнуть в шумящей буре — но правосудная История впишет Людовика XVI в число благодетельных Царей, и друг человечества прольет в память его слезу сердечную. — Королева, не смотря на все удары рока, прекрасна и величественна, подобно розе, на которую веют холодные ветры, но которая сохраняет еще цвет и красоту свою. Мария рождена быть Королевою. Вид, взор, усмешка — все показывает необыкновенную душу. Не лъзя, чтобы ея сердце не страдало; но она умеет сокрывать горесть свою, и на светлых глазах ея не приметно ни одного облачка. Улыбаясь так, как Грации улыба-

²² Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. С. 237.

ются, перебирала она листочки в своем молитвеннике, взглядывала на Короля, на Принцессу, дочь свою, и снова бралась за книгу. Елисавета, сестра Королевская, молилась с великим усердием и набожностью; мне казалось, что по лицу ея катились слезы. — В церкви было множество народу, так что я от жары и духоты упал бы в обморок, естли бы одна дама, приметив мою бледность, не подала мне спирту. Все люди смотрели на Короля и Королеву, еще более на последнюю; иные вздыхали, утирали глаза свои белыми платками; другие смотрели без всякого чувства и смеялись над бедными монахами, которые пели вечерню. — На Короле был фиолетовый кафтан; на Королеве, Елисавете и Принцессе черная платье, с простым головным убором. — Дофина видел я в Тюльери. Прекрасная, нежная Ланбаль, которой Флориан посвятил сказки свои, вела его за руку. Милой младенец! Ангел красоты и невинности! Как он, в темном своем камзолычке, с голубою лентою через плечо, прыгал и веселился на свежем воздухе! Со всех сторон бежали люди смотреть его, и все без шляп; все с радостию окружали любезного младенца, который ласкал их взором и усмешками своими. Народ любит еще кровь Царскую!» (225).

Глава, напечатанная в 1795 г., говорит об отношении народа к королевскому семейству. Она звучит как анахронизм, но с одной стороны, в ней Карамзин как бы выражает все свое уважение к королю и его семейству, с другой — заключительная строка звучит как невольный каламбур.

Важное указание содержит статья в «Зрителе» относительно писем из Лондона: «Боюсь, чтобы этот отрывок не показался слишком длинным, и обойду молчанием десять писем, в которых путешественник дает отчет о своем пребывании в Лондоне, описывает экскурсии и наблюдения, которые он там делал» (455).

Такая точная цифра «десять» противоречит общему числу датированных и недатированных писем из Лондона и позволяет предположить, что для предполагаемого издания их действительно было только десять, а остальные написаны позднее.

Далее он приводит заключительные слова английской части «Писем», которые не вошли в известный нам их текст:

«Люблю Англию, но не хотел бы провести в ней всю свою жизнь, люблю великолепное зрелище ее городов и радующих глаз деревень, ее парков и лугов, но не люблю ее печальный климат, вечные туманы, скрывающие солнце. Люблю твердый характер англичан, люблю даже их странности, но не люблю их угрюмой флегматичности. Люблю их промышленность, их честность в делах, но не люблю их искусной скупости, помышляющей о разорении всех других народов, не люблю их презрения к беднякам, возмущающего мое сердце. Люблю видеть, как они горды своей конституцией, но не люблю видеть, как они продают места в парламенте. Люблю легкий стиль Шеридана и Фокса, но не люблю

ни их хладнокровия, ни монотонного падения их периодов. Люблю трагедии Шекспира, но не люблю лондонской безвкусной манеры их исполнения. Я не прочь от английской кухни, но я совсем не любитель продолжительных трапез, во время которых много пьют и мало веселятся. Наконец, я люблю англичанок больше, чем англичан, так как они, в большинстве, хорошо воспитаны, чувствительны и романтичны, а это — мой вкус. Я с удовольствием вернулся бы в Англию, но покидаю ее без сожалений» (455).

И что всего интереснее, предполагаемое издание писем должно было заканчиваться изложением его эстетической установки, никогда ранее так точно не излагавшейся:

«Земля, земля! Приветствую тебя, о мое отечество! Приветствую вас, мои любезные друзья! Еще несколько дней, и вы меня увидите в своем кругу. Доволен ли я результатами своего путешествия? Да, я ими доволен; я наслаждался, и этого довольно. Я видел цветущие берега величественного Рейна, великолепные Альпы, прекрасный Лиман, веселые равнины Франции, плодородные поля Англии, и я всегда буду с удовольствием думать о них. Я видел великих людей, и их священные образы навсегда запечатлелись в моей душе, боготворящей все, что есть прекрасного в природе человека. Я видел главные народы Европы, их нравы, обычаи, оттенки характеров, происходящие от разницы климатов, степени просвещения и, в особенности, формы правления; я их видел, и я научился быть более осторожным в моих суждениях о достоинствах и *недостоинствах* целых народов. Наконец, я собрал достаточно предметов, чтобы занимать мой рассудок, мой ум и мое воображение в часы сладостного покоя, который — предмет моих желаний. Пусть другие гоняются за состоянием и чинами; я презираю роскошь и те пустые знаки различий, которые ослепляют чернь. Но я хочу быть полезным моей родине; я хочу быть достойным уважения публики. И, если самолюбие меня не ослепляет, я могу этого добиться, трудясь на поприще лучшего из искусств — искусства слова — источника стольких наслаждений для тонких душ, столь заполняющего пустоту жизни. „Прекрасно лишь то, чего нет“, — сказал Ж.-Ж. Руссо. Пусть! если это прекрасное всегда от нас ускользает, как легкая тень, поймем его по крайней мере в нашем воображении, устремимся в область сладких химер, будем набрасывать прекрасный идеал, обманем сами себя и тех, кто достоин быть обманутым. Ах! если я не смог найти счастья на земле, может быть, я смогу его живописать — это уже значит быть, в некотором смысле, счастливым! Друзья мои! Приготовьте мне простое сельское жилище, опрятное, с маленьким садом, где я мог бы найти всего понемногу: зелени, цветов весной, тени летом, плодов осенью. Пусть в моем кабинете будет камин для зимы и книги на любой сезон! Дружба разделит

мои удовольствия и горести. Что до любви... о ней мы будем говорить в наших стихах» (456).

Это подробное изложение было заменено в печатном тексте «Писем» кратким резюме путешествия в целом:

«Берег! отечество! благословляю вас! я в России, и через несколько дней буду с вами, друзья мои!.. Всех останавливаю, спрашиваю единственно для того, чтобы говорить по-русски и слышать Русских людей. Вы знаете, что трудно найти город хуже Кронштата; но мне он мил! Здешний трактир можно назвать гостинницею нищих; но мне в нем весело!

С каким удовольствием перебираю свои сокровища: записки, счета, книги, камешки, сухая травка и ветки, напоминающая мне или сокрытие Роны, la perte du Rhone, или могилу отца Лоренза, или густую иву, под которою Англичанин Поп сочинял лучшие стихи свои! Согласитесь, что все на свете Крезы бедны передо мною!

Перечитываю теперь некоторые из своих писем: вот зеркало души моей в течение осьмнадцати месяцев! Оно через 20 лет (если столько проживу на свете) будет для меня приятно — пусть для меня одного! Загляну и увижу, каков я был, как думал и мечтал; а что человеку (между нами будь сказано) занимательнее самого себя?.. По чему знать! может быть, и другие найдут нечто приятное в моих эскизах; может быть, и другие... но это их, а не мое дело.

А вы, любезные, скорее приготовьте мне опрятную хижинку, в которой я мог бы на свободе веселиться *Китайскими тенями* моего воображения, грустить с моим сердцем и утешаться с друзьями» (388).

Поскольку публикация отрывков из «Писем» в «Аглае» не вызвала начальственного неудовольствия, Карамзин, надеясь на некоторую либерализацию в начале павловского царствования, рассчитывал издать 4 тома «Писем русского путешественника». («Выйдут через месяц», — как он писал об этом Дмитриеву 6 ноября 1769 г.).²³

Некоторое представление о содержании этого предполагаемого к изданию проекта и о последовательности самого путешествия дает статья в «Зрителе». Привожу автоцитату, которая отражает недошедший до нас текст тех писем, в которых Карамзин писал с полной откровенностью о сравнительном ходе прогресса в России и во Франции:

«„История Парижа, — говорит он в заключение, — это история Франции и история цивилизации”. Бегло набрасывает он историю Парижа, стараясь, однако, схватить все характерное, и кончает словами: „Французский народ прошел через все степени ци-

²³ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 70.

визации, чтобы оказаться на той вершине, на которой он находится в настоящее время. Сравнивая его влекущийся шаг с быстрым полетом нашего народа к той же цели, говорят о чуде. Удивительно всеисиле творческого гения, который, вырвав Россию из летаргического сна, в который она была погружена, направил ее на пути света с такой силой, что по прошествии малого числа лет мы находимся впереди вместе с народами, которые многие века обгоняли нас. Но здесь другие идеи и новые образы теснятся в моем уме: достаточно ли прочны сооружения, воздвигаемые с излишней поспешностью? Шествие природы не является ли всегда постепенным и медленным? Блистательная иррегулярность может ли быть устойчивой и прочной? Вырастают ли великие люди из детей, которые с самого раннего возраста обучаются слишком многому?... Я умолкаю» (453).

В окончательном тексте «Писем» этого текста нет. Вместо него там помещено краткое и менее содержательное прощание:

«Я оставил тебя, любезный Париж, оставил с сожалением и благодарностию! Среди шумных явлений твоих жил я спокойно и весело, как беспечный гражданин вселенной; смотрел на твоё волнение с тихою душою, как мирный пастырь смотрит с горы на бурное море. Ни Якобинцы, ни Аристократы твои не сделали мне никакого зла; я слышал споры, и не спорил; ходил в великолепные храмы твои наслаждаться глазами и слухом: там, где светозарный бог Искусств сияет в лучах ума и талантов; там, где Гений славы величественно покоится на лаврах! Я не умел описать всех приятных впечатлений своих, не умел всем пользоваться, но выехал из тебя не с пустою душою: в ней остались идеи и воспоминания! Может быть, когда-нибудь еще увижу тебя и сравню прежнее с настоящим; может быть, порадуюсь тогда большею зрелостию своего духа или вздохну о потерянной живости чувства. С каким удовольствием взшел бы я еще на гору Валерианскую, откуда взор мой летал по твоим живописным окрестностям! С каким удовольствием, сидя во мраке Булонского леса, снова развернул бы перед собою свиток Истории, чтобы найти в ней предсказание будущего! Может быть, тогда все темное для меня разъяснится; может быть, тогда еще более полюблю человечество; или, закрыв летописи, перестану заниматься его судьбою...» (321).

К слову об Истории Карамзин сделал примечание: «В Булонском лесу читал я Мабльеvu историю французского правления (*Observation sur l'histoire de France. 1765*)».

Суммируя факты и гипотезы, можно найти такое объяснение хода работы над «Письмами».

Предположительно считаю, что немецкие и швейцарские письма были написаны в Швейцарии, парижские и лондонские — в Москве. Сдержанно, но не без удовлетворения, Карамзин писал в «Зрителе»: «Прилагаемые здесь выдержки из одного прозаическо-

го произведения, вызвавшего в России некоторую сенсацию, заставят вас судить о нашей манере смотреть на вещи, описывать и анализировать произведения словесности» (451). И далее следует аннотация: Письма русского путешественника, в пяти томах. Москва. 1797.

Как известно, автору пришлось напечатать только 4 части, и что было в пятом томе, мы не знаем.

При этом редакция, готовая к концу 1796 г., только частично отразилась в статье для «Зрителя», а затем была вновь переработана, видимо в 1801 г.

Пока более ничего нельзя извлечь из доступных нам материалов.